

Е. И. ЧУБУКОВА

**Язык и коммуникация: генезис и тенденции
исследования проблемы в западной философии**

<Фрагменты>

Основные методологические принципы классического метафизического мышления сохраняются в философии языка и концепциях коммуникации XX столетия. Так, основатели «логического атомизма» Б. Рассел и Л. Витгенштейн предприняли попытку решить проблему intersubjectivity понимания значений высказываний посредством синтеза номиналистски-эмпирицистских представлений о языке с восходящей к Лейбницу идеей создания универсального языка науки, структура которого отражает структуру мира.

Попытка совместить трансцендентальную аргументацию с гносеологической проблематикой языка обнаруживается в концепции «раннего» Витгенштейна. В этом аспекте, Хабермас, также как и Апель, рассматривает основной замысел и содержание «Логико-философского трактата» как аналогичный трансцендентальной философии Канта. Трансцендентальному сознанию соответствует универсальный язык, отражающий мир. Логическая форма этого языка априори устанавливает условия возможных высказываний о «положении дел в мире». Совокупность всех фактов есть мир или, в терминологии Канта, мир явлений. Категориям созерцания и рассудка как трансцендентальным условиям объективности возможного опыта и познания соответствует синтаксис универсального научного языка, устанавливающий модели и границы, в пределах которых эмпирически осмысленные высказывания о мире априори возможны. Этот языковой трансцендентализм Витгенштейна переводит кантовскую «критику чистого разума» в область «критики языка». В «Трактате» Витгенштейн попытался установить границы языка (и следовательно, мышления и мира) посредством раскрытия универсальной логической структуры или логической

формы, скрывающейся за поверхностью повседневного дискурса. Вопреки своей более поздней точке зрения, Витгенштейн времен «Трактата» убежден в том, что «языковую логику или логическую форму разума нельзя непосредственно изъять из самого разговорного языка»¹. В этом аспекте Хабермас ссылается на известное высказывание Витгенштейна о том, что обыденный язык «скрывает», «маскирует», «переодевает» мысли.

Идея Витгенштейна о том, что логика априори охватывает все то, что может быть сказано, и раскрытие логической структуры языка является вместе с тем и раскрытием структуры самой реальности, имеющая сильное кантианское звучание, в то же время, отмечает Хабермас, выполняла важную пропедевтическую функцию для создания универсального языка науки. Все выражения, существующие в языковой практике, могут быть соотнесены с «масштабом» идеального языка, отражающего мир, логическое строение которого устанавливает универсум возможных эмпирических осмысленных высказываний. Следовательно, для любого существующего предложения существует один и только один законченный анализ, и он равнозначен реконструкции выражения в логически понятном языке науки. Все высказывания, не способные к такой трансформации, могут быть элиминированы как бессмысленные. Основываясь на атомарно-экстенциональной логической модели универсального научного языка, рассматривающей истинность сложных предложений как функцию истинности элементарных предложений, Витгенштейн видел критерий их научной осмысленности в соответствии возможному факту или реально существующему «положению дел», подчеркивая тем самым отражательную функцию языка. Витгенштейн рассматривал собственную логическую теорию как подчиненную главной теоретико-познавательной цели своего исследования, выяснению вопроса о том, как с помощью языка может быть познана действительность.

Рассматривая фундаментальные проблемы познания сквозь призму языковой проблематики, Витгенштейн затрагивает такие вопросы, как соотношение языка, мышления и действительности, природы языковых знаков и языкового символизма, взаимосвязи между предложениями и отображаемыми ими фактами и в связи с этим осмысленности высказываний. В теоретико-познавательном аспекте Витгенштейн рассматривал и саму задачу создания универсального языка, которому отводится особая значимость потому, что он позволяет выявить скрытые механизмы выражения

---

¹ *Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften. Fr. a. M., 1973. S. 224.*

мыслей, корреляции между предложением и ситуацией, языком и миром. Согласно концепции Витгенштейна, в универсальном языке ясно «просвечивают» как структуры мысли, так и предметные отношения самого мира, «обнажается» скрытая логическая природа знаков. Именно с этой точки зрения в «Трактате» раскрывается «логический синтаксис универсального языка в качестве трансцендентальной логики в строгом смысле»². Логика «Трактата» трансцендентальна, потому что она «показывает», «обнажает» всеобщие структурные свойства языка, которые обеспечивают репрезентацию мира. Опираясь на номиналистическую теорию символизма, в основе которой лежит идея логического тождества между знаком и обозначаемой вещью, Витгенштейн создал учение о логической форме предложения, которая характеризует тип связи структурных элементов языка и реальности. Однако, хотя логическая форма является необходимым условием любого предложения как логического образа реальности, сама эта форма, согласно Витгенштейну, «скрыта» в языке.

Пределы мыслимого и, следовательно, самого мира определяются языком, его логической формой. В этом состоит смысл известного афоризма «Трактата»: «Границы моего языка означают границы моего мира»³. Логика языка устанавливает трансцендентально необходимые рамки нашего понимания реальности, существующего внутри мира. Следовательно, то, чем мир является как таковой, логика языка в самом языке не может выразить. Поэтому Витгенштейн в «Трактате» подчеркивает, что в логике мы не можем утверждать, что это существует в мире, а это нет. Такая позиция имплицитно предполагала бы, что мы исключаем какие-то возможности, но такого не может быть, поскольку в противном случае логика должна была бы выйти за пределы мира, если бы эти границы поддавались рассмотрению лишь извне. Отсюда следует: мы не можем выразить то, что мы не можем мыслить.

Таким образом, здесь Витгенштейн, как отмечает Хабермас, только повторяет с позиций собственной критики языка кантовское ограничение разума относительно осмысленного познания. В соответствии с образной концепцией смысла (смысл как логический образ факта) в «Трактате» определяются границы научно осмысленного знания. Все, что не укладывается в номиналистски-эмпирицистскую модель знания, относится к области

² Ibid. S. 225.

³ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. 5.6 // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994.

невыразимого, того, о чем следует молчать. К сфере невыразимого с этой точки зрения относится и сама логика языка. Положение о том, что логика трансцендентальна, Витгенштейн подтверждает словами: «Логика не есть учение, а отражение мира»⁴. Это означает, что ее нельзя сформулировать как систему положений, которая отражала бы мир в целом, как элементарные предложения фиксируют отдельные факты и в этом смысле она не может быть наукой. Хотя в логической форме предложения и отражается существующая структура мира и его сущность, однако, она не может быть выражена. Критика языка и является, согласно Витгенштейну, тем инструментом, который поможет раскрыть «невысказанную сущность мира». Исключив метафизическую философскую проблематику из области осмысленного рассуждения, Витгенштейн считал истинным назначением философии языковую критику, логическое прояснение мыслей. «Трактат» поставил перед философией только очистительную задачу заботиться о том, чтобы не было сказано то, о чем нельзя говорить. Такое понимание цели философии обнаруживает сходство позиций Витгенштейна с кантовской критической философией.

Таким образом, существует определенная общность исходных методологических позиций «раннего» Витгенштейна и Канта, находящихся в рамках классического мышления о языке и «философии сознания». В «Трактате» Витгенштейн исходил из представления о трансцендентальном, абстрактном, метафизическом субъекте, что также сближает его с воззрениями Канта. Продолжая традиции немецкого трансцендентализма, Витгенштейн в данном случае имеет в виду чисто логизированного субъекта, обладающего способностью осуществления логико-лингвистических процедур, воплощающего всеобщие структурные свойства языка.

Размышляя о проблеме субъективности, Витгенштейн подчеркивает, что в собственном смысле субъект не может отождествляться ни с конкретным человеком, ни с его телом, ни с душой, являющейся предметом психологии. По его мнению, речь может идти только о философском «Я», то есть метафизическом субъекте как границе, а не части мира. Таким образом, в «Трактате» субъективность в традиционном смысле исключается из мира и признается наличие трансцендентального субъекта.

Один из основных тезисов, выдвинутых Витгенштейном в «Трактате», состоит в том, что субъект не может быть обнаружен в пределах непосредственного опыта путем интроспекции.

---

⁴ Там же. 6.13.

Одна из линий аргументации этого тезиса опирается на традицию, связанную с позицией Д. Юма. Все, что можно обнаружить внутри опыта есть ничто иное, как содержание того же опыта. Опыт включает множество фактов, то есть все, что происходит внутри «мира», который Витгенштейн называет также «мой мир», «жизнь», «микрокосм». Однако, в пределах опыта нельзя обнаружить самого обладателя опыта, то есть мое «Я». Согласно Витгенштейну, не существует такой вещи, как мыслящий, представляющий субъект. Именно в этом аспекте Витгенштейн отмечал, что если бы он писал книгу под названием «Мир, каким я его нахожу», то в нем не могла бы идти речь о субъекте в традиционном смысле этого слова.

В «Трактате» Витгенштейн развивает «картинную» теорию языка. Предложение рассматривается как логический образ действительности. Язык, согласно «раннему» Витгенштейну, есть «проективное» изображение реальности. В предложениях мы создаем «картины фактов». Общее, существующее между «картиной» и действительностью, есть форма символического изображения: «То, что во всякой картине, при любой ее форме, должно быть общим с действительностью, дабы она вообще могла верно или неверно изображать ее, суть логическая форма, то есть форма действительности»⁵. В этом заключается отражательная и репрезентативная функция языка. При этом Витгенштейн считал, что никакое объяснение структуры нашего языка и его репрезентативного отношения к миру невозможно выразить словами. В результате сама «картинная» теория предполагает проникновение в сущность языка на совершенно отличном уровне по сравнению с нашими обыденными представлениями о соотношении предложений и реальности.

В своих последующих работах Витгенштейн, как известно, существенно пересматривает свое отношение к «картинной» теории, считая необходимым всматриваться в то, каким образом слова употребляются на самом деле в процессе реальной обыденной коммуникации: «Значение слова есть то, что объясняется объяснением значения. То есть: если ты хочешь понять употребление слова “значение”, то приглядишься к тому, что называют “объяснением значения”»⁶. При этом речь идет не о теории объяснения значения, а имеется в виду привлечение внимания к тому, каким образом слова объясняются и как они становятся понятными в реальном общении.

⁵ Там же. 2.18.

⁶ *Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. С. 235.*

В «Философских исследованиях» Витгенштейн раскрывает истоки картинной теории: «Мы делаем предикатами вещей то, что заложено в наших способах их представления. Под впечатлением возможности сравнения мы принимаем эти способы за максимально всеобщее фактическое положение дел»⁷. В связи с этим Витгенштейн отмечает: «Нас берет в плен картина. И мы не можем выйти за ее пределы, ибо она заключена в нашем языке и тот как бы нещадно повторяет ее нам»⁸. Впоследствии он признает уязвимость картинной аналогии и в том отношении, что она делала возможным философское предубеждение в пользу определенного вида репрезентации, маскируясь как беспристрастное представление фактов. Поскольку в «Трактате» мир описывается с точки зрения картинной теории как мир фактов, то, следовательно, с самого начала устанавливается определенная философская система и абстрактное видение природы языка и мира. Факты, «положения дел» являются содержанием предложений. При этом Витгенштейн не отрицал существования вещей в мире, но утверждал, что мы должны мыслить о мире как состоящем из фактов, некоторые из которых являются сложными, состоящими из более простых, атомарных фактов, которые более нельзя разложить на составляющие их элементы, представляющие собой взаимосвязи простых объектов. Структура мира отображается в структуре языка, который разлагается на элементарные предложения, логические «атомы». Имена, составляющие элементарные предложения, связаны друг с другом определенным образом как звенья одной цепи. Каждое имя относится к одному из простых объектов. Элементарное предложение является истинным, если объекты, к которым оно относится, связаны таким же образом как имена в предложении. При этом каждое такое предложение, согласно системе Витгенштейна, является логически независимым от других элементарных предложений и, соответственно, его истинность и ложность также не зависит от истинности или ложности другого атомарного предложения.

Таким образом, в творчестве «раннего» Витгенштейна основное внимание уделяется изобразительной концепции языка и логико-семантическим исследованиям. Вместе с тем репрезентативная модель языка, рассмотренная выше, в методологическом отношении, по нашему мнению, имеет ряд существенных особенностей. Сама трактовка образа и отображения приобретают у Витгенштейна весьма специфический характер, поскольку

---

⁷ Там же. С. 126.

⁸ Там же. С. 128.

речь идет о проективном изображении. Предложение отображает не сами по себе вещи и их свойства, а факты, ситуацию, «положение дел», приобретая тем самым свою осмысленность. Методологический аналитизм непосредственно связан с теорией репрезентации. «Философия имени», свойственная классическому представлению о языке, модифицируется Витгенштейном в том смысле, что только элементарное предложение состоит из имен, обозначающих простые объекты. Однако даже и эти простые или атомарные предложения обозначают не сами вещи или их мыслительные представления, а изображают общую логическую структуру мира, которая, по Витгенштейну, может быть только «показана». Поэтому, как нам представляется, Витгенштейн уже в ранний период своей творческой деятельности пытается отойти от упрощенного понимания репрезентативной функции языка и в определенном смысле это ему удается.

Уже отмечалось сходство позиции Витгенштейна с трансцендентализмом Канта, что также придает своеобразие его концепции. Это относится не только к пониманию задач своего исследования как «критики языка», трансцендентальности логики и логических структур как способа конструирования мира, обуславливающих соответствующие формы отображения, «картину» действительности, но и к трактовке субъективности. Выступая против картезианской концепции «мыслящего, представляющего субъекта», Витгенштейн обращается к идее трансцендентального, метафизического субъекта, не принадлежащего миру, но являющегося его границей, в результате чего он вообще не относится к сфере мыслимого и не может поэтому выступать объектом осмысленных высказываний. Таким образом, уже в «Трактате» язык перестает быть простым инструментом отражения действительности рефлектирующим мыслящим субъектом, как в классической парадигме, приобретая трансцендентальный статус, выступая как необходимое условие конституирования мира и его границ, «всеобщая среда», обеспечивающая саму возможность познания и осмысления мира.

Вместе с тем Витгенштейн сосредоточил свое внимание именно на репрезентативной, а не коммуникативной функции языка. Проблема методического солипсизма, восходящая к локковской эмпирицистской теории познания, снималась в концепции Витгенштейна за счет идентичности логической формы языка и мира. Однако, такой подход, как подчеркивает К.-О. Апель, по существу элиминирует проблематику intersubjectивной коммуникации, сводит ее к процессу кодирования, технической передачи и декодирования сообщений об объективном «положе-

нии дел». Это означает, что интерсубъективно сообщаемый смысл относится лишь к логической форме или структуре, в то время как содержательная интерпретация сообщений остается приватным делом, которое не связано с конституцией языковых значений. Хотя в концепции Витгенштейна язык уже не редуцируется к индивидуальным актам обозначения, а понимается как система, имеющая интерсубъективную логическую форму, однако, она все еще лишена диалектического опосредования коммуникативностью человеческой речи и взаимопонимания.

Несмотря на то, что основополагающая трудность теории познания Нового времени — проблема сообщаемости индивидуальных языковых значений или объективной значимости выражений индивидуального опыта снималась в концепции «раннего» Витгенштейна за счет идентичности формы языка и формы мира, однако, методологический солипсизм все же оставался в качестве трансцендентальной предпосылки аналитической философии языка «Трактата», так же как и логического эмпиризма с его идеей единой науки. Неопозитивистская «логика науки» опирается на два известных принципа метафизики Лейбница: существование логических истин разума и опытных фактуальных истин. Для того чтобы привести логику в соответствие с наблюдаемыми фактами, предполагается идеальный научный язык, который должен положить конец вечным философским диспутам о значении слов. В этой идее универсального исчисляющего языка науки присутствует типичный мотив нео-лейбницианской метафизики, который логический эмпиризм заимствовал от Б. Рассела. Постулирование объективистского физикалистского единого языка предполагает методический солипсизм в том виде, как он возникает в «Трактате» Витгенштейна.

Вместе с формально-логической редукцией кантовской трансцендентальной логики Витгенштейн в то же время устраняет трансцендентально-прагматическое измерение интерсубъективного взаимопонимания. Для Витгенштейна мышление о мире в логическом пространстве языка не есть «разговор души с самой собою», как у Платона, и оно тем более не является функцией трансцендентальной коммуникации. Поскольку трансцендентальное Еgo или субъект в формально-логическом смысле идентичен с формой языка, ограничивающей мир таким образом, что для каждого «Я» априори значима одна и та же идеальная форма описания мира, то тогда никакая интерсубъективная коммуникация в смысле предварительного взаимопонимания относительно интерпретации мира не требуется. Трансцендентальная прагматика или герменевтика мира в качестве практи-

чески значимого «жизненного мира» или «ситуационного мира» оказывается также ненужной и невозможной. В трансцендентальном измерении существуют только уединенные ученые, функционирующие совершенно самостоятельно в качестве трансцендентального субъекта описания мира в объективном языке вещей и «положений дел», который посредством мистической, трансцендентальной или метафизической гарантии является языком всех других субъектов.

Таким образом, именно «Трактат» Витгенштейна раскрывает истинный смысл методического солипсизма в аналитической философии языка, предполагающий отрицание трансцендентально-прагматических или трансцендентально-герменевтических предпосылок коммуникации с другими субъектами в отношении интерпретации мира и самопонимания. Следствием такой позиции является принципиальная возможность редуцирования всех других учений к объектам описания и объяснения их поведения в рамках эмпирицистского физикалистского языка. Однако, на самом деле, как подчеркивает Апель, именно трансцендентальная прагматика intersубъективной коммуникации формирует в конечном счете предпосылки научного исследования. Об этом свидетельствует выдвинутая в рамках неопозитивистской программы концепция конструктивной семантики, имеющая в качестве своей априорной предпосылки конвенционализм. При этом конвенции необходимы не только для конструирования «семантических каркасов», но также для получения «базисных» предложений, которые могли бы выполнять функцию подтверждения или, напротив, опровержения гипотез и теорий. Конвенции, предполагаемые для конструирования семантических систем, которые делают возможным научно осмысленные утверждения, указывают на то, что в противоположность трансцендентальной семантической концепции «раннего Витгенштейна» именно философская проблематика рациональной коммуникации и взаимопонимания выступает в качестве необходимой предпосылки «логики науки» [...]

Основные методологические установки, характерные для неопозитивистского анализа языка сохраняются и в бихевиористском подходе к языковой коммуникации, согласно которому вербальное поведение и использование языковых символов является частью адаптивного поведения. Критическая рефлексия относительно бихевиористских научных теорий позволяет сделать вывод, что интенциональные социальные действия невозможно интерпретировать, абстрагируясь от символического и коммуникативного аспектов, проблематики intersубъективности

понимания и его социокультурных предпосылок. Методология поведенческих наук поэтому должна иметь в качестве своих трансцендентальных оснований экспликацию условий конституирования коммуникативного опыта и его интерсубъективности. Исходным пунктом такого анализа является сеть интеракций, в которую погружена сама исследовательская практика, и здесь речь идет о трансцендентальных условиях интерсубъективности лингвистически опосредованных систем действия как таковых и, следовательно, о логической структуре социального «жизненного мира», который является также основой самого исследования. В этом отношении трансцендентальное исследование допускает саморефлексию относительно используемых методов.

Несмотря на обоснованную критику позитивистского натурализма, поставленная феноменологической философией задача рефлексивного осмысления обыденного структурирования и интерпретации социальной реальности в горизонте «жизненного мира», не могла быть выполнена вследствие сохранения субъективистских и индивидуалистических методологических принципов. В результате феноменологический подход к языку остается в рамках «философии сознания».

Методология структурализма также основывается на принципах метафизического мышления, несмотря на то, что некоторые представители этого направления, особенно Фуко и Лакан, пытались выйти за рамки платоновско-аристотелевской традиции в понимании сущности языка, а также классического структурно-семиотического анализа явлений культуры, показывали односторонность сведения языка к инструментальной функции обозначения и сообщения, пытаясь создать своеобразную «прагматику», подчеркивая коммуникативную, диалогическую природу языка.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что все указанные выше направления так или иначе выходили на коммуникативную проблематику языка при решении своих собственных методологических проблем, что свидетельствовало о необходимости преодоления принципов классического метафизического мышления и перехода к новой парадигме рассмотрения коммуникативно-прагматического измерения языка и опосредованного практикой диалога, направленного на достижение межличностного взаимопонимания.

